

ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА АННЫ АХМАТОВОЙ

УДК 82-6.930.272

«ДУШИ ВЫСОКАЯ СВОБОДА,
ЧТО ДРУЖБОЮ НАРЕЧЕНА»¹
ПИСЬМА А. А. ТАРКОВСКОГО К А. А. АХМАТОВОЙ

Темненко Галина Михайловна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского*

(Россия, Симферополь)

E-mail: ga-la-te@mail.ru

Републикация писем, хранящихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фонде Ахматовой (фонд 1073), ныне Российской национальной библиотеки (впервые – журнал «Радуга», Киев, 1992, № 1–2). Тематика писем – не только личное общение и отклики на события литературной жизни, но и размышления о сути искусства, в частности, связанные со статьёй Ахматовой «„Каменный гость“ Пушкина».

Ключевые слова: *А. Ахматова, А. Тарковский, А. Пушкин, исповедальность, вдохновение, традиция.*

Имена Анны Андреевны Ахматовой и Арсения Александровича Тарковского ныне известны широкому кругу читателей. Объединение этих двух имён не будет неожиданностью для любителей и знатоков поэзии. Хотя принадлежали они к разным поэтическим поколениям, жили в разных городах, редко виделись, но ни время, ни пространство не смогли помешать их удивительной дружбе.

«Бывают странные сближения», – сказал однажды Пушкин. В 1946 году, после постановления ЦК и появления доклада Жданова, втаптывавшего в грязь имя Ахматовой, был рассыпан набор первого сборника стихов Тарковского. Тогда же был уничтожен и уже отпечатанный тираж сборника Ахматовой.

К 1946 году относится начало их знакомства. Историю, связанную с первой встречей, Арсений Александрович вспоминал не без удовольствия. Автору этих строк довелось сначала услышать её непосредственно из уст поэта, а затем, спустя два года, прочесть её пересказ в «Огоньке» [7]. В доме поэта и переводчика Шенгели, где они впервые встретились, на стене висело холодное оружие, чуть ли не шпага. Тарковский снял её и, невольно увлѣкшись, сделал выпад. Ахматова шутливо заметила: «Я чувствую, что мне здесь угрожает опасность». Тарковский мгновенно ответил: «Анна Андреевна, я не Дантес». Ахматова славила своим остроумием, но здесь растерялась и даже не пыталась скрыть своё замешательство: «Я не знаю, что на это ответить».

Так с самого начала знакомства двух поэтов рядом с ними незримо встал третий – тот, кто для каждого из них был номером первым, кто будет незримо участвовать в их дружбе до конца.

Когда-то Белинский, говоря о лирике Пушкина, подчеркнул: «Что составляет содержание мелких пьес Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, как чувства, наиболее обладавшие поэтом и бывшие непосредственным источником счастья и горя всей его жизни. Он ничего не отрицает, ничего не проклинает, на всё смотрит с лаской и благословением <...>. Общій колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической – внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» [4, с. 339].

В 1946 году именно за пристрастие к этим темам Ахматова была предана позору.

А ещё в 1914 году талантливый критик Н. В. Недоброво написал о ней статью, которую Ахматова впоследствии назвала «разгадкой жизни» своей. Может, он и не собирался сравнивать молодого поэта со своим кумиром Пушкиным, но судите сами, не перекликаются ли с мыслью Белинского вот эти слова, определяющие содержание ахматовской поэзии: «... лирика, так много занимающаяся человеком и притом не уединѣнным я, но его соотношениями с другими людьми: то в любви к другому, то в любви другого к себе, то в разлюблении, в ревности, в обиде, в самоотречении и в дружбе, – такая лирика не отличается ли глубоко гуманистическим характером? Способ очертания и оценки других людей полон в стихах Анны Ахматовой такой благожелательности к людям и такого ими восхищения, от которых мы не за годы только, но, пожалуй, за всю вторую половину XIX века отвык-

ли. У Ахматовой есть дар героического освещения человека» [8, с. 66 (2-я пагинация)].

Очень хотелось бы знать, не вспоминала ли Ахматова эту статью в 1963 году, когда набрасывала рецензию на сборник Тарковского «Перед снегом». Эту книгу она назвала «неожиданным и драгоценным подарком современному читателю». И среди «ряда редчайших качеств» стихов Тарковского особо выделила то, как воплощена тема любви: «Одно из самых поразительных стихотворений – «Ветер», где героиня изображена с благоговейным ужасом, от которого мы что-то стали отвыкать, – кажется мне одной из вершин современной русской поэзии» [3, с. 215]. Как жаль, что эта рецензия (за всю жизнь Ахматова, кажется, написала их всего три) не была окончена!

Но и в незавершённом варианте мысль выражена достаточно ясно. Вряд ли нужно подсчитывать, каково процентное содержание стихов о любви и дружбе в творчестве Тарковского, каково – у Пушкина и Ахматовой. Объединяет их общее качество: «благоговейный ужас», «дар героического освещения человека», «внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность».

Не удивительно, что в стихотворении Тарковского «Рукопись», посвящённом Ахматовой при её жизни, присутствуют не только душа и судьба, но и «пророк, на ангелов ходивший в одиночку». А ведь оба были земными людьми, «кровяными, костяными», и стихи Тарковского были пропитаны «солью и желчью земной», и Ахматова умела воспеть «лопухи и лебеду».

Отношения этих двух поэтов были сродни главным тональностям, объединявшим их творчество. Здесь приведены все письма Тарковского, хранящиеся в Ленинграде, в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фонде Ахматовой (Фонд 1073). Примечательно, что при подготовке их публикации не возникло необходимости делать купюры – возвышенное и земное в них находятся в такой гармонии, как это бывает в лучших образцах высокой лирики. И хочется поскорее отыскать ответы Ахматовой.

Увы, их нет. Арсений Александрович подтвердил то, о чём с грустью говорят и другие: она не любила писать писем. В семье Тарковских сохранились лишь краткие телеграммы. Но вот однажды...

Однажды при встрече оказалось: и он, и она видели один и тот же сон. Ахматова написала об этом:

*А там, где сочиняют сны,
Обоим – разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нём, как приход весны.*

Теперь уже никто не расскажет, что это был за сон. Арсений Александрович и о самом факте посвящения сообщил не сразу, а лишь после настойчивых расспросов – и сказал только об этом четверостишии, ни словом не обмолвившись обо всём ахматовском цикле «Полночные стихи», куда входит этот маленький шедевр.

Судя по некоторым мемуарным публикациям, история создания этого цикла ещё должна быть написана. Неизвестно, чьё имя будет окончательно фигурировать в комментариях к «Полночным стихам» (вспомним бесконечные споры пушкинистов по поводу определения адресата «На холмах Грузии...»).

Но когда читаешь эти стихи, невольно вспоминаешь удивительную красоту и силу пяти стихотворений Тарковского, написанных на смерть Ахматовой, и понимаешь, что их объединяет тайна – не тайна житейских подробностей, но тайна человеческой личности, вмещающей в себя такую драгоценную способность видеть, понимать, уважать и любить другого человека, которая (как бы мы ни отвыкали от неё) остаётся для нас ещё и насущнейшей потребностью, основой духовного здоровья нации.

Галина Темненко.

3 мая 1958 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Я перечитал ваши книги, которые есть у меня («Белую стаю», «Анпо Domini», «Из шести книг»), и ко мне возвратилось чувство масштаба, утраченное на время общения с Вами. Мне теперь непонятно, как я смел произносить в Вашем присутствии слова и даже читать Вам свои сочинения. Конечно, я знаю Вашу поэзию издавна, но случилось вот что: когда я познакомился с Вами, Вы заслонили свой собственный подвиг, а теперь он снова открылся мне, и снова для меня прояснилась его огромность. Вы напрасно браните «Из шести книг»: несмотря на суженность выбора (редакторского), книга даёт почти верное представление о Вашей поэзии, не ломает его слишком грубо, как Вам, вероятно, кажется.

Я пишу Вам, отыскав Ваш адрес в справочнике Союза писателей, не получив разрешения писать Вам, чтобы постараться выразить, какое значение для меня имела встреча с Вами в Москве. Ваша поэзия и Вы в равной мере – мой праздник, и теперь я не знаю, как мог бы жить, не перемолвясь с Вами ни словом, так же, как не могу представить себе себя без Ваших книг.

Благодарно целую Вашу руку.

Преданный Вам А. Тарковский.

25 июня 1958 г.

Т е л е г р а м м а

Ленинград Красной конницы 4 кв. 3. А. А. Ахматовой

Поздравляю днём рождения Вас и русскую поэзию Всего сердца
желаю здоровья неизменного вдохновения преданно целую руку

– Тарковский –

11 ноября 1958 г.

Анна Андреевна!

Я пишу Вам по поводу Вашей чрезвычайно нужной и Важной статьи [2, с. 171–186], а не говорю – из-за непривычки к разговорам и своего косноязычия. Кроме того, я легче уясню для себя то или это с пером в руках.

Первым толчком, который привязал меня к «Каменному гостю», была реплика Лауры:

*Как небо тихо;
Недвижим тёплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет...*

И далее:

*А далеко на севере – в Париже,
Быть может, небо тучами покрыто...*

Меня поразили эти стихи не тем, что они подчёркнуто-прекрасны, что звуки здесь «слаще звуков Моцарта», а тем, что писан «Каменный гость» в Болдине, осенью, что делает лиризм цитаты ослепительно-жгучим: как тосковал он по тому северу! Каждому ясна сущность и напряжённая страстность этой географической тоски, зеркальной относительно к ностальгии.

Когда Вы пишете, что «Каменный гость» «драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта», Вы обосновываете моё давнее душевное движение. Вероятно – потому, Ваша статья для меня оказалась столь важной и нужной.

Если делать вывод из неё и расширить её тему так же, как и площадь её применения, то мы скажем: каждое на первый взгляд неличное создание подлинного вдохновения представляет собой более или менее замаскированную исповедь. Но такого вывода, нужно полагать, делать не следует, потому что он разрушает возможность систематиза-

ции, без которой затрудняется понимание предмета, потому что в нём (выводе) есть неприятная общеположимость и всеядность, уравнивающая творение художника и продукты труда ремесленника.

Всё, что Вы пишете здесь, тонко, умно и убедительно.

Это можно сказать о том месте, где речь идёт о стихе:

Я гибну – кончено – о Дона Анна!

Ваши объяснения призыва (О Дона Анна!) точны и вполне доказаны. Я всегда думал, что призыв этот не ограничен узко заданием, что он алгебраичен (как $(a+b)^2$), что допускает он множество применений и дешифровок. В этом последнем крике при той подстановке, которую делаю я – читатель, есть и детская беспомощность, и выражение последнего дикого одиночества гибели, потому что смерть – это взрыв, направленный в сторону ту же, с какой человек приходит, рождаясь, «возвращение с чёрного хода», и убитые принимают ту позу, в какой они лежали в утробе матери. В этом крике всё, что в него можно вчитать. Эта реплика, хоть и нелегко, но всё же обосновывается нами так, что Дон Гуан не мог крикнуть иначе, проваливаясь, таким образом, в реплике есть неожиданная верность душевной жизни действующего лица и душевной жизни читателя – соучастника трагедии – неожиданная потому, что говорит нам больше, чем слова, её составляющие, и значение её раскрывается для нас всё больше уже помимо нашей воли. Верность душевной жизни всех людей как бы не может быть найдена умом аналитика, а только тем синтезом воли, ума, инстинкта, который мы называем художником, чья функция – вдохновение, которому некогда искать, и потому оно находит нужное будто сразу, при вспышке молнии, без поисков, и найденное оказывается единственно верным. Дарование – способность к ограничению, вдохновение – способность к выбору из множества единственно потребного вероятия, производящего потом впечатление мгновенности. Дон Гуан называет Дону Анну, когда ему нет времени выбирать, и он мгновенно, как художник (художник в том идеальном представлении, которое нам нужно для ясности трактовки), делает выбор непреложно-важного, и точность этого выбора становится нам понятна благодаря читательскому инстинкту, естественно близкому инстинкту поэта.

Тут интересно отметить, как теснота формы и её классическая выразительность расплывается, мельчает со временем, переходя в пределы упадка: вспомните «Шаги командора» Блока, как ни огромен этот художник. «Анна, Анна! – Тишина» и т. д. Тут мощно ограниченный удар мельчает, разбегается орнаментом византийским, прекрасным самим по себе, но столько теряющим при сравнении с образцом.

Во всех писаниях по поводу великих произведений искусства есть опасность гармонию разъять, как труп. Странно писать трактаты в изъяснение религиозного экстаза и прозой объяснять стихи. Мне кажется, что Ваша статья преследует не только цель – сделать более понятной трагедию «Каменный гость», но и завоевать для лирического поэта наибольшую территорию во имя её жестоко-трудного подвига.

Вы прекрасно определяете: «головокружительный лаконизм». Метафора прекрасная, как может быть прекрасно стихотворение. Конечно, лаконизм Пушкина – художественный метод наиэкономнейшего выражения –

...твой старик торгует ядом? – И ядом.

– но этот метод ведь не единственно возможный, не правда ли? – и есть в этом лаконизме (пожалуйста, не подумайте, что в том, что я говорю, есть непочтительность к поэту) нечто от лаконизма ради лаконизма, что существует он во что бы то ни стало, любой ценой, несмотря на жертвы, как Наполеон или Тимур, существует, как навязчивая идея, и при идеальном своём развитии ведёт к простоте, от которой сам Пушкин в один прекрасный день бежал без оглядки в условность классического риторического типа:

Вотще! – О люди, жалкий род, достойный слёз... и т.д.

Когда пишут о художнике, часто получается так, что делают рацию единственной основой его творчества: критик точно знает, что у Пушкина то-то служит тому-то, словно художник – инженер и строит мост, и данная гайка – сюда, а та заклёпка – от того отверстия. Не так уж рационален такой рации. «Негаечность» легко усматривается в случае «Каменного гостя» в «О Дона Анна» последнего стиха трагедии. Мне хочется подчеркнуть обособленную исключительность мышления лирического (быть может, всякого поэта, его божественную сущность, моцартианскую (см. соседнюю трагедию) – детскую в основе способность нахождения самого нужного, единственного – во множестве, мудрость превыше мудрости, свойственную ребёнку, а не мудрецу, потому что художник – сгусток воли, силы, инстинкта, действующий на линии преемственности культуры), длительная преемственность выработала в художнике инстинкт точного и как бы мгновенного удара безусловно (в Вашем смысле – по статье) самовыражающего свойства. А инстинкт легче и своеобразней проявляется у ребёнка, чем у взрослого, в последнем случае он затушёвывается опытом, «аналитикой». Он обнаруживается скорей у Моцарта, чем у Сальери, у того, кто

не более, как «гуляка праздный», тогда как Сальери «алгеброй гармонию проверил». У Моцарта – судьба, у Сальери – карьера (как когда-то сказал о другом Блок), Сальери разве только – орудие судьбы, но она ему не подруга.

«Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...»

И потому, что он бог, его надо убить, что Сальери и делает. И правда: Моцарт то с детьми кувыркается на полу, то слушает ужасного скрипача в харчевне, когда тот играет нечто созданное («в труде» по Сальери) им же, Моцартом, самим, словом – ведёт себя, как ребёнок – беспечно. Но мы знаем, если не будете как дети... – Странно, что в «Моцарте и Сальери» соединяется то, что мы знаем с колыбели, и то, что пришло позже (искусство). Сальери убивает Моцарта не только из зависти, но и потому, что тот был «как дети», был богом в скудельном сосуде, потому что, чем сосуд проще и бедней (как дети сравнительно со взрослыми), тем бога в нём больше.

Вы пишете о жестокости и страстности Дон Гуана. Но он поэт. Ребёнок только в мечтах матери – добр: на деле в нём живёт жестокость пещеры, которую обычно истребляет воспитание. Моцарт не добр, он – дитя, доброта – преимущество взрослых, и добрым может оказаться... Сальери, который хотел заботиться о мире и гармонии (что бы случилось, если Моцарта не убить? Всем худо, мол, было бы!), а Моцарт ни о чём не заботится, кроме своего искусства, да и то не очень, гуляка праздный. Св. Франциска и Моцарта породили разные двигатели, но идут они одним путём вечного детства. Читатель не мог понять позднего Пушкина, потому что поэт, будучи «сосудом скудельным», вмещает в себя сущность, читателю противоположанную, и Сальери, от лица черни, производит акт истребления искусства ради «печного горшка».

Дон Гуан тоже дитя, когда он в последний раз зовёт Анну. Он зовёт её, как ребёнок зовёт мать, как умирающий – богородицу, чтобы

*Пречистая сердечно
Заступилась за него...*

зовёт, как женское начало мира, на которое только и остаётся надеяться тому, кто уже ни на что не надеется, то начало, которое его в мир привело и к которому он должен вернуться, если правда, что смерть есть зеркало рождения.

Всё это пустые домыслы. Но мы плохо представляем себе древность нашего опыта, впитавшего всё – от верований пещерных времён до математической трезвости прошлого века, и, может быть, я не так уж ошибаюсь, когда вчитываю в последние слова Дон Гуана такое своё. Я очень благодарен Вам за статью. Она нужна поэзии, у которой так

мало прав. Вообще – я не знаю, что делал бы, и как мне неполно было бы на свете, если бы не Вы.

Сказав это, он (я) проваливается – от смущения и неловкости, что наболтал столько туманных нелепостей по поводу, требующему только выражения простой и скромной благодарности.

Преданно целую вашу руку

Ваш А. Тарковский.

23 июня 1960 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Вся наша семья от всего сердца желает Вам доброго здоровья, покоя и радости и поздравляет Вас с днём рождения.

Преданно целую Вашу руку

А. Тарковский.

29 апреля 1961 г.

Дорогая Анна Андреевна!

С запозданием, за которое прошу Вас простить меня (больна Татьяна Алексеевна², уезжал из Москвы и болел я), поздравляю Вас с выходом в свет книги и благодарю за неё.

Послесловие произвело на меня меньшее впечатление, чем я ожидал. Впрочем, его не читают. Зато прелестны вступительные страницы (о себе). Это книга избранных стихов, и её неполнота не помешала её значительности. В «Шестой книге» есть новое для Вас (относительно первых пяти) – ещё более освобождённое дыхание (хотя раньше казалось – свободней нельзя): «Высоко мы, как звёзды, шли», «Чёрную и прочную разлуку...». Широта охвата, которой не предполагает собрание «избранных стихотворений», осталась в тетрадах, её демонстрация – дело Вашей будущей книги, которую увидите Вы и я, и все, кому дорога советская поэзия. Сила поэзии не только ведь в этой широте охвата, но и в отъединённости каждого стихотворения, в его замкнутой исключительности; это воочью зримо: здесь – Ваше первенство со времён Баратынского: ни у кого на земле с его поры стихотворение не было сгармонировано так, как у Вас.

К вам приложимы, конечно, все похвалы негативного свойства (никаких расхождений замысла и осуществления, никакого схождения с занятой высоты и пр.), но суть не в этих бесспорных качествах, а в том, что обогащенному читателю ясно из читаемого всё богатство Вашего клада, и Вы ничего не утаиваете от него; он будто читает Вашу книгу во всей возможной её полноте, будущей её полноте. У искусства есть физическая жизненность, ничто не может пропасть, ни единой строчки, все книги «избранных стихотворений» допечатает время.

С глубокой любовью к Вашей поэзии я жду Вашего приезда в Москву; я всё ещё верю, что мне удастся преодолеть мой «комплекс недостаточности» и развязать свой язык, чтобы до конца рассказать Вам, как всё написанное Вами дорого мне – и почему дорого.

А где «Гибель Пушкина»? Слава Богу, что Вы пообещали её читателю, теперь Вам придётся её дописать. Я очень, очень нетерпеливо жду Вашего приезда и не без эгоизма желаю Вам здоровья, сил и бодрости, и покоя, и того, чтобы Вы почаще слушали свою Музу, – она ведь никогда не молчит, Вы просто редко к ней прислушиваетесь.

Мне очень плохо без Вас.

Преданно целую Вашу руку.

Татьяна Алексеевна кланяется Вам.

А. Тарковский.

28 февраля 1963 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Это письмо, может быть, поедет с Вами в одном поезде и будет охранять Вас в дороге от всего, чем дорога нехороша.

От моего вечера 27-го у меня осталось неприятное чувство недовольства собой и своими стихами: верно – не нужно показывать ни себя, ни их слишком многим, и я – теперь трезвыми глазами глядя назад – не нахожу поводов достаточно убедительных к тому, чтобы вести себя так непонятно и странно. Я собирался на этот вечер, и стихи, что я подготовил, не понравились мне; и потому я старался читать их, вдалбливая в слушателей чуть ли не по Станиславскому, изображая в лицах и ворону и лисицу, и даже сыр, с которым была плутовка такова. Я с собой в ссоре и почти не разговариваю с собой, и Вам жалуюсь на себя, который так глупо себя вёл. Теперь придётся постараться, писать лучше, чем прежде, а и плохо писать так трудно!

Я влюблён в Вас, как гимназист, и когда Вас нет в Москве, гадаю, когда Вы приедете, по номерам автомобилей, по количеству голубей на подоконнике, по часам (чётные – нечётные минуты) и Бог весть ещё по чему. Я Вам даже не завидую. Чтобы Вас обрадовать хоть разок – сегодня в Литер. газете – статья Сарнова, где он цитирует две строки: «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз, до прожилок»³, – хоть автора и не называет, но хвалит. Каково?

На моём вечере было много мальчиков – девочек в возрасте от 18 до 80 лет; с некоторыми я говорил, и *все*, с кем я говорил, зачитывают до дыр журналы с Вашими стихами и любят их, говорят о них с горящими глазами. Чтобы Вам было веселей, посылаю Вам в этом письме открытку с портретом Модильяни. Боже мой, когда Вы снова приедете в Москву?

Ели я, как автор, буду когда-нибудь чего-нибудь стоять, то только потому, что я – Ваша собственность и, хотя Вы этого не замечаете, стоите надо мной, и я всегда задаю себе вопрос – понравится Вам или нет та или эта строчка.

Дай Вам Бог доброго пути!

Целую Вашу руку.

Преданный Вам А. Тарковский.

Вся наша семья кланяется Вам.

4 июля 1963 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Мы уезжаем в Литву на полтора месяца. Я подумал, что Вам может что-нибудь понадобиться от меня, и Вам придется сказать кому-нибудь, чтобы мне написали, и Вы не будете знать, где я – всё это, верно, безумно, что я пишу? Но – вот адрес, на всякий случай: Друскининкай, Литовск. ССР, ул. Друскининку, дом 4, Акстин, мне. Это набор равно ужасных слов. Та Ваша тетрадь, что Вы видели у меня в последний раз, стоит у меня в – душе? сердце? в горле? – не знаю, – это громадное явление, этот цикл. Кто-нибудь, в какой-то книге, он осветит всё, что Вы писали до него, и всё приобретёт новое значение, о котором мне Вам писать невозможно теперь, потому что ещё никто из нас не умеет ещё его оценить. Жаль, что нельзя назвать цикл *правильней*, чем у Вас (R)⁴ – *Stabat mater dolorosa*⁵ – такое название немислимо, конечно, но оно точней бы выражало замысел. Как много Вы значите для меня, если бы вы только знали, и я уже почти не боюсь Вас – уж я-то знаю, чьё Вы орудие.

Таня меня увозит в состоянии совсем неудовлетворительном, я «спазмлю» всем, чем это можно делать. В Литве мы будем м-ца 1^{1/2}

До меня донеслись слухи, что будто у меня с книжкой ещё не то, чтобы совсем безнадежно.

Когда мы будем уезжать из Литвы, я напишу Вам – буду умолять известить о Вашем приезде в Москву. Для напоминания о том, что я где-то и как-то живу, посылаю в письме фотографию (весной 1941), надеюсь, что Вы не сразу её выбросите.

Целую Вашу руку. Таня кланяется Вам.

Преданный Вам А. Тарковский.

28 марта 1964 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Клянусь – тут не будет преувеличений.

Не думаю, что мне удастся найти убедительные и скромные слова, чтобы я, Ваш поздний ученик, хорошо выразил Вашу поэзию и Вас. 30

марта исполняется 50 лет «Чёткам». Ещё в ранней юности научился я благоговеть перед Вашей высокой музой – и кланяюсь Вам за это.

*«В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье – Анна,
Приятное для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько дней в году».*

Так Вы писали в 1913 году. Тогда было мне шесть лет. Теперь мне 57. Таким образом, и моя жизнь прошла под Вашей звездой, хоть я долго и не знал этого. После «Чёток» были и «Белая стая», «Подорожник», и «Anno Domini», и книги позднейших лет. Каждое новое Ваше стихотворение было достаточно прекрасным для того, чтобы стать последним, но за одним следовало стихотворение ещё совершенней (эта неловкая сравнительная степень тут вполне уместна). Этот непрерывный подъём длится долгие годы, Вы дышите уже тем разреженным воздухом, какой не был бы по лёгким даже самой Сафо, – и не многие поэты – даже у нас в России – дышали таким. От такого воздуха Вам должно быть легко и *даже не страшно*.

Ваша поэзия теперь, будь она собрана полностью, явила бы невиданную широту охвата явлений жизни. Время пересеклось с Вашим подвигом и запечатлелось в каждом Вашем стихе. Вы очень русский поэт, и потому Вы приняли (из чужих рук) наследство античного мифа, и Ваше достояние – тот источник, откуда пришёл стих – «и чёрной голубкой меня называл». Я верю, что стихи Ваши диктовали Вам дети наших детей для того, чтобы им была радость непрерывный поток великой русской поэзии. Вам выпало счастье создать нечто большее, чем произведения искусства. Я боюсь назвать имя того, кто плакал бы от счастья, прочитав написанное Вами, – от счастья и от боли, потому что счастье, приносимое высшими созданиями искусства, и ранит душу и врачует её. Мне не хочется оскорбить Вашу застенчивость, называя это имя; но мне нужен этот пример, чтобы сказать, Вам, что и в Вашем случае и творчество, и суть души слились воедино, образовав исключительный образец на все времена, когда речь человеческая будет звучать на земле.

От всего сердца поздравляют Вас с пятидесятилетием «Чёток».
Преданно целую Вашу руку

А. Тарковский.

2 октября 1965 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Вас ждёт Коломенское, осень и книга Ваших переводов [6]. Она вот-вот появится в издательстве. Вероятно, Вам нужно дать приказ редакционным барышням – куда направить Ваши авторские экземпляры. Очень прошу Вас – при выходе «Бега времени» [1] не забыть, что среди московских писателей, с нетерпением ожидающих этой Вашей книги, автор этого письма по степени приверженности Вашему гению занимает отнюдь не последнее место. Пожалуйста, поберегите для него один экземпляр!

Я замучен своим сборником [9]. В нём – как приложение – 15 стихотворений из первой книжки, среди других «Я кончил книгу и поставил точку»⁶. Быть может, Вы не забыли этого стихотворения? Если же не помните его, прошу Вас спросить о нём кого-нибудь, кто, кто имеет книжку Вашего покорного слуги – и вот зачем: мне очень захотелось посвятить его в новом издании Вам, и – в рукописи – я сделал это. Если Вам почему-нибудь такое посвящение неудобно, дайте, пожалуйста, мне знать об этом – и тогда я сниму посвящение при первой же корректуре. Мой сборник должен выйти по плану издательства в 1 квартале нового (66-го) года. Теперь сборник прошёл через все редактуры, и даже корректоры уже перестали возиться с рукописью.

Однажды я уже благодарил Вас в письме за добрые слова в Мишинском интервью; они обязаны своим возникновением Вашей доброте больше, чем беспристрастию; тем глубже благодарное чувство, порождённое во мне этими словами, – ещё раз благодарю Вас, Анна Андреевна, – я не уверен, что моё письмо нашло Вас, я писал Вам в Ленинград в ту пору, когда Вы были в Комарове, и письмо могло затеряться.

Желаю Вам (вместе со всей нашей семьёй) здоровья и счастья.

Преданно целую Вашу руку.

А. Тарковский.

4 октября 1965 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Вот я исполняю Ваше приказание, прошу прощения за плохой почерк: он плох сам по себе, а ещё указательный палец у меня перевязан, и не только портит почерк, но и указывать им даже нельзя. Я пересчитал стихотворения в этой тетрадке – их оказалось 13, и я боюсь, что их ждёт суровая встреча, что Вы перемените мнение о них, а я так радовался преждевременно.

Может быть, Вы придумаете, когда Вы приедете к нам? Вас ждут Перголези, Плестрины и Бах, не говоря уже о русском сочинителе стихов.

Целую Вашу руку.
Преданный Вам

А. Тарковский.

Без даты.

Дорогая Анна Андреевна!

Вы не можете представить себе, сколько людей вместе с Вашими врачами, с какой любовью и преданностью, следят за каждой десятой Вашей температуры! Как добивались и добиваются Ваши читатели «Бега времени». Всё, чего нет в книге, или известно читателям, или воображается ими, они видят книгу такой, какой она могла бы быть, и пусть Вас не огорчает её неполнота. Всё же – это самая полная Ваша книга, самая большая по охвату созданного Вами. Выход её в свет – праздник русской поэзии, и был бы он праздником в любые времена (но она и очень современна), даже в присутствии имён, которые и произнести страшно (Тютчев, Баратынский, и ещё...). Я не один, кто знает окончание «Поэмы без героя» и многое другое. Об отдельных стихотворениях нет смысла говорить, всё уже сошлось, скрепилось воедино, это уже система, «воздушная громада», уже не «Северные элегии», а «Cinque» и «Библейские стихи», это – Ахматова. Ваш подвиг недаром совершаем. Кроме того, каждое стихотворение больше самого себя в соседстве с другими, в этом единстве, в этой системе, в этом мире. Даже этой одной книги, без ненапечатанного, без черновиков, достаточно для посылки адресату через двести лет. Если никто пока не распорядится, чтобы «цел был дом поэта», то читатель об этом распорядился, для Вас уже построен Вами же коридор в будущее, и Вы по нему идёте уже за столетия впереди самой себя. Мне кажется, что, говоря так, я чего-то недоговариваю, и, пожалуй, вот чего: Вы написали за всех, кто мучился на этом свете в наш век, а так ещё не мучились до нас ни в какие времена, а если Пушкин был Пушкиным, то голос его – за тех, кто такого совершенства, как мы, в страстотерпии не достиг (допустим, хоть война 1941–1945). *Ваш* читатель и *Ваш* двигатель хлебнул *совершенно* лиха, и это – Ваше преимущество. Я не хотел писать о себе на этом листе – и – вот теперь, боясь наскучить Вам, перехожу к своим делам, решив уделить им не больше пяти строк: у меня книжку набирают уже в типографии, и должны издать её в первые 3 месяца Нового года, быть может, в январе или феврале. Вся наша семья шлёт Вам пожелания скорейшего выздоровления. Я благодарю Бога, что мне

довелось жить в Ваши времена и вместе со всеми, кто прочёл хоть одну Вашу строку. Желаю Вам того же – здоровья, сил, бодрости.

Преданно целую Вашу руку

А. Тарковский.

Без даты.

Дорогая Анна Андреевна! Очень обрадовался я, когда узнал, что у Вас всё обстоит несравненно лучше, чем сначала показалось. Преданно целую Вашу руку и желаю Вам здоровья и терпения, чтобы Вас без сопротивления с Вашей стороны подлечили хорошенько в больнице. Если Вам что-нибудь нужно – похлопотать ли о лучшем устройстве в больнице – передайте, пожалуйста, мне, я охотно выполняю Ваши распоряжения.

Целую Вашу руку

Ваш А. Тарковский.

Без даты.

Дорогая Анна Андреевна!

Передаю Вам пожелания здоровья и покоя от всей нашей семьи – вместе с этим гибридом гибридов в банке: это – компото-кисель, сваренный из фруктов с несколькими рифмами на пару в условиях стерильности, – Вам он, конечно, не повредит, – я варил его сам, потому что я повар, приобретший за время болезни Тани некоторый кулинарный опыт. Можно ли мне будет придти к Вам на несколько минут в больницу и когда? Передайте на словах, пожалуйста, позвольте ли Вы придти кому-нибудь, пусть мне позвонят (телефон), скажут.

Целую Вашу руку

Ваш А. Тарковский.

Без даты.

Дорогая Анна Андреевна!

Вся наша семья с искренней и верной любовью поздравляет Вас с Новым годом, желает Вам здоровья и счастья.

Вкладываю в этот конверт старое письмо, которое, по склонности материи к исчезновению, скрывалось (нрзб) долго неизвестно в каком ящике стола и наконец выплыло на свет. Я оступел, не видя Вас и не слыша от Вас ни слова. Ради Бога, скорей выздоравливайте.

Преданный Вам

Тарковский.

Примечания

1. Впервые: [5].
2. Татьяна Алексеевна Озерская, жена поэта.
3. Начало стихотворения О. Мандельштама.
4. «Реквием». Поэма впервые опубликована в 1989 году сразу в нескольких изданиях.
5. Святая мать скорбящая.
6. Стихотворение А. Тарковского «Рукопись».

Список использованных источников

1. Анна Ахматова. Бег времени. Стихотворения – М.; Л. : Советский писатель, 1965. – 472 с.
2. Ахматова А. «Каменный гость» Пушкина. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. – М.-Л., 1958. – С. 171–186.
3. Ахматова А. А. Сочинения в 2-х т. – М. : Худож. лит., 1986. Т. 2.
4. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1948. Т. 3.
5. Радуга, ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Украины. Киев, 1992, № 1–2, с. 81–90.
6. Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. – М., 1965. – 176 с.
7. Медведев Феликс. Судьба моя сгорела между строк. // Огонёк, 1987, № 3.
8. Недоброво Н. В. Анна Ахматова. – Русская мысль, 1913, кн. VII.
9. Тарковский А. А. Земле – земное. – М. : Советский писатель, 1966. – 176 с.

**‘THE LOFTY FREEDOM
OF THE SOUL THAT IS NAMED FRIENDSHIP’
 (“DUSHI VYSOKAYA SVOBODA,
CHTO DRUZHBOYU NARECHENA”).**

A. A. TARKOVSKY’S LETTERS TO A. A. AKHMATOVA

Temnenko Galina Mikhailovna,

*Doctor of Philology, Professor of the Department of Cultural Studies of the Crimean
Federal University named after V. I. Vernadsky
(Russia, Simferopol)
E-mail: ga-la-te@mail.ru*

*Republished letters from the Manuscript Collection of State Public Library of Russia
named after M. Saltykov-Shchedrin, Akhmatova’s fund (Fund 1073), presently known as*

the National Library of Russia (for the first time – ‘The Raduga’ magazine, Kiev, 1992, № 1–2). The letters do not only include personal correspondence and accounts of literary life events, but also contemplations on the meaning of art, in particular in connection to Akhmatova’s article “The Stone Guest” of Pushkin”.

Keywords: A. Akhmatova, A. Tarkovsky, A. Pushkin, confessional sincerity, inspiration, tradition.